

СУБМОДУС «ИСТИННАЯ УВЕРЕННОСТЬ»: РАЗНОВИДНОСТИ И СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ В РОМАНЕ И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»¹

В.И. Казарина

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия

Статья посвящена выявлению семного состава маркеров субмодуса «истинная уверенность» в достоверности модальной оценки и условий их функционирования в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Маркерами данного субмодуса в романе являются вводные конструкции в самом деле, верно, действительно, конечно, несомненно, понятно, правда, разумеется, следовательно и лексемы повторяю, помню, помнится, полагаю, думаю. Наиболее продуктивной в функционировании и объемной по семному составу является лексема конечно, в содержательной структуре которой наличие семы 'категоричность' составляет основу непреклонности в объективности модальной оценки. Спектр обоснований ее функционирования достаточно широк и включает ряд таких, которые присущи только этой лексеме (любовь к Отечеству, знание истории города, социальные условия, отношение к ситуации, ожидание необычного) и не определяют жизнедеятельности других вводных модальных конструкций. Знания различного характера находят отражение в реализации ряда модификаторов. Значительное место в оценке информируемого занимают конструкции с семантикой источника информации.

Ключевые слова: знание, истинная уверенность, субмодус, субъект, условия объективации, Бунин, «Жизнь Арсеньева».

1. Под субмодусом «истинная уверенность» (субмодус от *модус*² при помощи префикса *суб-* со значением подчиненности по отношению к названному производящей основой) понимается одна из разновидностей модуса «Достоверность» как модальная оценка уверенности в объективности информативного компонента высказывания, его соответствии реальной действительности. Модус наслаивается на уже имеющуюся модальность высказывания, «образуя в модальной иерархии высказывания квалификацию „последней инстанции“» [1, с. 303], III ранг модальной системы [2, с. 99].

Оценка уверенности определяется знаниями и опытом, приобретение которых носит ступенчатый характер, обосновывающий уровень уверенности в объективности оценки сообщаемого [3, с. 41], представленной как истинный или проблематический субмодусы уверенности.

Субмодус истинной уверенности представляет модальную оценку пропозиционального компонента как соответствующую реальному положению дел. Ее маркерами являются вводные конструкции модальной семантики. Не вступающие в синтаксическую связь с синтаксемами высказывания, они, в сочетании с модальным субъектом, представляют внешнюю модальную рамку высказывания (Касевич, 1988), создавая некий компонент модальной семантики, который, как «легкая пелена» [5, с. 37], обогащает модальность предло-

жения и формирует вместе с нею общий модальный план высказывания.

Субмодус истинной достоверности как компонент микрополя достоверности представлен Е.И. Беляевой [6, с. 157–170]. С позиций когнитивно-прагматического аспекта истинная достоверность затронута в исследовании Е.Ю. Донсковой [7].

Наш интерес к данному субмодусу вызван неоднородностью его семантики и способами ее объективации.

Задачу исследования видим в выявлении семантических разновидностей маркеров субмодуса «истинная достоверность» и условий их функционирования в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Обращение к роману И.А. Бунина позволяет выявить один из аспектов индивидуально-авторской картины объективного мира в субъективном восприятии писателя. Сказанное определяет актуальность и новизну работы.

В работе учтена структура ситуации модальной оценки, словарные значения вводных конструкций с семой оценки, характер оценки, местоположение модификатора в высказывании, условия контекста, принята во внимание и логика рассуждения автора исследования.

Ситуацию модальной оценки формируют модальный субъект, объект оценки и ее основание [6, с. 162]. Модальным субъектом является говоря-

¹ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2532.shtml (дата обращения 04.02.2015).

² Модус – это модальная оценка в содержательной структуре высказывания, лексически представленная модальными модификаторами различной лексико-грамматической природы.

щий, объектом – события и его участники. Основанием оценки служат условия, позволяющие в той или иной степени определить уровень знания модального субъекта.

2. Материалом исследования послужила сплошная выборка из романа И.А. Бунина 144 высказываний, включающих вводные конструкции со значением истинной достоверности (119 примеров), а также высказывания со ссылкой модального субъекта на источник информации, позволяющий ему считать оценку достоверной.

2.1. Место модальных конструкций не фиксировано: «они могут двигаться по словесному «пространству» предложения и до некоторой степени определять его синтагматическое членение, обусловленное смысловым заданием речи» [8, с. 67]. Тем не менее, преимущественное их расположение – абсолютное начало высказывания, начало предикативной единицы в составе сложного предложения, позиция перед предикативом. При таком положении модификатора модальная оценка дается всему постпозитивному по отношению к нему пропозициональному содержанию: *На балконе пили чай и разговаривали. Был опять брат Николай, – он часто приходил к нам по утрам. И он говорил – очевидно, обо мне: – Да что ж тут думать? Конечно, надо служить, поступить куда-нибудь на место...; – Как же ты, Надя, не видишь, что я действительно люблю его!* Начальная позиция вводной лексемы может заключать в себе уверенность в достоверности информации, представленной в предшествующем тексте, тогда как последующая информация вносит коррективы, дополняет и конкретизирует объективность оценки предшествующего высказывания. Ср.: *Вот я в постели, и горит «близ ложа моего печальная свеча», – в самом деле, печальная сальная свеча.*

В положении перед непредикативным компонентом позиционной схемы (встречается значительно реже) утверждается достоверность одного из ее компонентов. Ср.: *Отец был так поражен столь ранним гостем, что даже растерялся, – выстрелил, понимаете, мгновенно, но промахнулся.*

В диалоге модификаторы представлены и парцелированной конструкцией с модальной оценкой ранее представленного: – *Это дело отца, – ответил я уклончиво. – Конечно, конечно, – сказал мужик, думая что-то своё.*

Модальный субъект как совпадает, так и не совпадает с пропозициональным субъектом. При совпадении он маркирован личным местоимением: *Я думал, конечно, о гимназии, об удивительных людях, которых я видел в ней, которые назывались учителями...* При несовпадении последний представлен лексемами разных лексико-грамматических классов имен существительных и личностно-указательным местоимением: *И отец, конечно, не чувствовать своей фальшивой роли будто бы прежнего, богатого человека, всё-таки*

был доволен этими криками и приказывал обождать, хотя извозчиков возле Дворянской всегда было сколько угодно, так что не имело ровно никакого смысла платить за обожданье; Вещественных исторических памятников он (город) при таких условиях, конечно, не мог сохранить. Отмеченный в романе эллипсис субъектной словоформы представлен в односоставных личных предложениях грамматической формой глагола или является показателем неполноты двусоставных предложений. Ср.: *Большинство наших учителей были люди серые, незначительные, среди них выделялось несколько чудаков, над которыми, конечно, в классах всячески потешались, и два-три настоящих сумасшедших; Воротясь домой, вне себя от этих слов, я оседлал Кабардинку и пустился куда глаза глядят: помню, был в Малиновом, доехал до Ливонской большой дороги...*

2.2. Уверенность как составная модуса «достоверность» характеризуется твёрдым отсутствием какого-либо сомнения в истинности сообщаемого. Ее можно охарактеризовать абсолютной, полной, истинной уверенностью, представленной в «Жизни Арсеньева» вводными конструкциями в самом деле, верно, действительно, конечно, несомненно, понятно, правда, разумеется, следовательно, образующими синонимический ряд семемы 'истинная достоверность', а также лексемами *повторяю, помню, помнится, полагаю, думаю.* В содержательной структуре вводных модальных модификаторов, как правило, присутствует сема 'отсутствие сомнения'. Самой продуктивной в функционировании является лексема *конечно*, представленная ≈ 38,7 % примеров с субмодусом полной уверенности. В ее семной структуре вычленяются семы

'отсутствие сомнения' [9, с. 290; 10, с. 365]: *Много раз, конечно, видал я себя в зеркале и раньше и не запоминал этого, не обращал на это внимания;*

'истинность': *В своё время он (город), конечно, не раз пережил всё, что полагается: в таком-то веке его «дотла разорил» один хан, в таком-то другой, таком-то третий, тогда-то «опустошил» его великий пожар, тогда-то голод, тогда-то мор и трус...;*

'безусловность': *Конечно, мне объяснили, какой это был дом и кто этот человек ...;*

'категоричность': *Подражая подпаску, можно было запастись посоленной коркой черного хлеба и есть длинные зелёные стрелки лука с серыми зернистыми махорчиками на остриях, красную редиску, белую редьку, маленькие, шершавые и бугристые огурчики ... разве голодны мы были? Нет, конечно, но мы за этой трапезой, сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, вещественного, из чего создан мир.*

Лексемы *действительно* (≈ 7,6 %) и *несомненно* (≈ 7,6 %) менее продуктивны в функционировании. Уверенность в достоверности оценки передана лексемой *действительно* – маркера семы

‘в самом деле’ без оттенка категоричности [10, с. 171]: *Ах, хорошо, почувствовал я, ах, как всё хорошо ... и то, что я сейчас тоже хорошенько вытью и с волчьим аппетитом примусь за щи с мягим, белым городским подрукавником! И действительно, я так закусил и выпил, что потом ... долго сидел без картуза на ступеньках крыльца, освежая свою слегка кружащуюся голову воздухом октябрьской ночи ....* и лексемой несомненно – маркера семы ‘без всяких сомнений’, обогащенной оттенком категоричности [10, с. 537]: **Несомненно**, что именно в этот вечер впервые коснулось меня сознание, что я русский и живу в России, а не просто в Каменке, в таком-то уезде, в такой-то волости, и я вдруг почувствовал эту Россию, почувствовал её прошлое и настоящее, её дикие, страшные и всё же чем-то пленяющие особенности и своё кровное родство с ней...

Лексема *разумеется* (≈ 5,9 %) функционирует в нескольких значениях, включая семы:

‘безусловно’ [9, с. 290; 10, с. 365]: – *Навсегда покидаю вас, милый друг, – сказала она (Черкасова), глядя на меня своими ястребиными глазами. – Муж заждался меня там. Хотите проводить меня до Кременчуга? Только совершенно тайно, **разумеется**;*

‘можно быть уверенным’ [9, с. 654]: *Я не был правее их в общем ... но я просто не мог слушать, когда мне, даже шутя (а всё-таки, **разумеется**, наставительно), напоминали: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!»...;*

‘как следует считать (думать)’ (стилистически ограничена: разг.) [10, с. 171]: *Когда я наконец попал в действительный Полоцк, я, **разумеется**, не нашёл в нем ни малейшего подобия выдуманному.*

Модификатор *правда* (5 %) утверждает истинность [9, с. 576; 10, с. 763] информации, располагающейся препозитивно по отношению в модификатору, с семой ‘в самом деле’ или ‘действительно’: *Она слушала одобрительно, но, вероятно, только потому, что представляла себе, что это она сама сидит в саду, чертя по песку хорошеньким зонтиком. – Это, **правда**, прелестно, – говорила она.*

Конструкция *в самом деле* (≈ 4,2 %) в значении ‘действительно’ [9, с. 159; 10, с. 174] подтверждает то, о чем сообщается в предшествующем контексте: *Может быть, моё младенчество было печальным в силу некоторых частных условий? **В самом деле**, вот хотя бы то, что рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди них...*

Лексема *понятно* (1,9 %) стилистически ограниченная (разг.) как вводная конструкция, функционирует с семой ‘безусловно’ [ср.: 9, с. 561; 10, с. 744]: – *Я ведь, с позволения сказать, тоже поэт. Даже когда-то книжку выпустил. Теперь, **понятно**, лиру оставил в покое, – не до неё, да и таланту оказалось мало, – пишу только корреспонденции ...*

Лексема *следовательно* – маркер оценки истинной достоверности постпозитивной информации как следствие того, о чем информирует предшествующая конструкция: *Звали его Баскаковым, он происходил из богатой и родовитой семьи, был умен, талантлив и, **следовательно**, мог жить не хуже, если не лучше, многих.*

Функционирующая в диалогическом единстве как знак субмодуса ‘истинная уверенность’ с семой ‘не вызывает сомнения’, лексема **верно** исключает сему предположения и уточняет, конкретизирует ее постпозитивной информацией: – *А вон барыня Бибикова едет. Это она к нам, к Уварову. Он мне ещё третьего дня говорил, что ждёт её к себе гостить и баранчика на зарез торговал... Другой подхватил: – **Верно**, она и есть.*

Особое место в системе вводных конструкций с модальной семантикой истинной уверенности в достоверности сообщаемого в романе И.А. Бунина занимают лексемы *повторяю*, *помню*, *помнится*, *полагаю*, *думаю*, в содержательной структуре которых содержится сема субъекта речи, не снимающего с себя ответственности за даваемую оценку.

Наиболее продуктивной в функционировании является лексема *повторяю* (≈10,1%), в семном составе которой отмечаем сему ‘категоричность’ утверждения полной достоверности сообщаемого. При этом оцениваемая пропозиция носит также конкретизирующий, дополняющий характер сказанного ранее: *Поле моих отроческих наблюдений было весьма нешироко, и, однако, то, что я наблюдал тогда, было, **повторяю**, показательно.*

Модальная оценка полной достоверности той или иной ситуации может быть основана на данных, сохранившихся и удерживаемых в памяти. Ее маркеры – лексема *помню* (8,4%) и *помнится* (0,8%) также в позиции вводного компонента: **Помню**, *влез по высокой железной подножке во что-то грубое, грязное, стою и смотрю.* Означаемым лексемы *помнится* является семантика ‘как припоминаю, так сохранилось в памяти’ [Ожегов 2008: 559; Ушаков 2009: 740] с обогащающим, считаем, оттенком неуверенности: ‘как будто’, ‘может быть и не так’: *Полагаю, что случилось осенью, судя по тому, что, **помнится**, загар мальчика в зеркале был бледный, такой, когда он сходит, выцветает, и что был я, должно быть, лет семи...*

Лексема *думаю*, конструкция *я думаю* (всего ≈ 3,4%) и лексема *полагаю* (0,8%) в позиции вводных несут семантику ‘я так считаю’, утверждая тем самым истинность своей оценки, однако не исключая бытия и иного мнения со стороны других лиц: *Я вижу слегка вздувшиеся вены на его старчески крупных висках, – завтра они уже почернеют, **думаю я**...; До этой поры во мне, **думаю**, преобладали черты матери, но тут быстро стали развиваться отцовские ...; Вы вообще, **я полагаю**, служить не можете – не те у вас мечтания.*

2.3. Основанием для полной (истинной) уверенности в объективности оценки сообщаемого является:

- владение ситуацией, характерное для речевой реализации модификаторов в самом деле, действительно, конечно, несомненно, понятно, правда, разумеется: *Мы все понимали, что прежде на исходе. Отец говорил матери: «Разлетается, душа моя, наше гнездо!» В самом деле, Николай это гнездо уже бросил, Георгий собирался совсем бросать, – срок его «поднадзорности» кончался; оставался один я; но шёл и мой черед...; Я подсел, тоже чрезвычайно обрадованный, в надежде доехать с ними домой, и действительно, они тотчас же предложили подвезти меня; – Лика, милая, но что же дальше? Ты знаешь моё отношение к нему, он, конечно, очень мил, я понимаю, ты увлеклась... Но дальше-то что?; За зиму со мной, несомненно, что-то случилось, – в смысле прежде всего телесного развития, – как неожиданно случается это со всеми подростками, у которых вдруг начинает пробиваться пушок на щеках, грубо начинают расти руки и ноги; По роду своих занятий он был «кулак», но кулаком себя, понятно, не считал, да и не должен был считать: справедливо называл он себя просто торговцем человеком, будучи не чета не только прочим кулакам, но и вообще очень многим нашим горожанам; А главное – был в этом дне какой-то пустынный и светлый приморский холм, а на этом холме, среди камней, какие-то белые цветы вроде подснежников, что росли на нем только потому, разумеется, что ещё в младенчестве слышал я как-то зимой слова отца...; И ума не приложу, как вам быть далее, – говорил он (Балавин) мне. – ... Вы вообще, я полагаю, служить не можете – не те у вас мечтания. Вы, как говорится в оракулах, слишком вдаль простираетесь; Каждый раз перед балом я переживал жестокие минуты, – нужно было надевать фрак покойного мужа Авиловой, совершенно, правда, новый, кажется, ни разу не надёванный, и всё же меня как бы пронзавший;*

- вывод, сделанный в результате рассуждения, опирающегося на приобретенные ранее знания и практический опыт. Это основание оценки отмечено в функционировании модификаторов в самом деле, думаю, конечно, несомненно, разумеется, следовательно: – Нет, – говорил он, – призвание Алексея не гражданское поприще, не мундир и не хозяйство, а поэзия души и жизни. Да и хозяйствовать-то, слава богу, уже не над чем. А тут, кто знает, может, вторым Пушкиным или Лермонтовым выйдет?.. В самом деле, многое сложилось против моего казённого учения: и та «вольность», которая была так присуща в прежние времена на Руси далеко не одному дворянству и которой немало было в моей крови, и наследственные черты отца, и моё призвание «к поэзии души и жизни»...; И все таки это он, подумал я, и это нынче, вот сейчас, произойдет

с ним то последнее, церковное, с чем он ни в малейшей мере не имел ничего общего при жизни...; Звали его Баскаковым, он происходил из богатой и родовитой семьи, был умен, талантлив и, следовательно, мог жить не хуже, если не лучше, многих; По мере того как я привыкал и присматривался к нему, я всё чаще возмущался в нём то тем, то другим и даже порой не скрывал своего возмущения, пускался в горячий и, конечно, напрасный спор то по одному, то по другому поводу; Если бы не это, я бы превозмог всякий стыд, давно бы настиг её где-нибудь и какой угодно ценой вернул себе, – дикий поступок её был, несомненно, припадком безумия, раскаяться в котором ей мешает тоже только стыд; И оказался этот человек действительно несчастным человеком, только совсем особого рода, то не просто несчастным, а создавшим своё несчастье своей собственной волей и переносившим его даже как бы с наслаждением, – оказался, словом, принадлежащим к тому ужасному разряду русских людей, который я, разумеется, понял как следует только впоследствии, в годы зрелости;

- вывод, сделанный на основании личных наблюдений за окружающими, отмеченный в речевой реализации модификаторов конечно и разумеется: *А сад за домом был, конечно, наполовину вырублен, хотя всё ещё красовалось в нём много вековых лип, клёнов, серебристых итальянских тополей, берёз и дубов, одиноко и безмолвно доживавших в этом забытом саду свои долгие годы, свою вечно юную старость, красота которой казалась ещё более дивной в этом одиночестве и безмолвии, в своей благословенной, божественной бесцельности; Когда я наконец попал в действительный Полоцк, я, разумеется, не нашёл в нем ни малейшего подобия выдуманному;*

- знания, полученные на основании зрительного или слухового восприятия, используемые в функционировании модификаторов верно, конечно, думаю я: – А вон барыня Бибикина едет. Это она к нам, к Уварову. Он мне ещё третьего дня говорил, что ждёт её к себе гостить и баранчика на зарез торговал... Другой подхватил: – Верно, она и есть; Я не знаю, что ей (хозяйке) ответить, не умею себя выразить, и она, не дожидаясь моего ответа, звонко затягивает: «От ликующих, праздно болтающих, обгадряющих руки в крови...» Мне это кажется просто ужасно – да кто это уж так ликует, думаю я, кто болтает и обгаряет!; Я как-то сразу окреп и возмужал за последний год пребывания в гимназии. До этой поры во мне, думаю, преобладали черты матери, но тут быстро стали развиваться отцовские; Вся она была, конечно, необыкновенно пестра разноцветностью своих желтых и красных лохмотьев и все время слегка поводила бедрами...

- практический опыт как следствие прошлых наблюдений, представленный в функционировании конструкций думаю я, конечно: Выпуклые веки закрыты, бесцветные губы сжаты, пепельно белеют

под усами... Я вижу слегка вздувшиеся вены на его старчески крупных висках, – завтра они уже почернеют, думаю я...; И, конечно, клопы ... ели всю ночь и меня, а в тёплой и вонючей темноте вокруг стоял крепкий храп, от которого ночь казалась безнадёжной, безрассветной, а неугомонная колотушка проходила иногда своим отчаянно-громким, распутно-залихватским, каким-то круглым, полным треском под самыми окнами...;

- воспоминание о планировании при реализации конструкции думал я: В голове уже опять путалось, шло что-то мучительное по своей произвольности, беспорядочности, по множеству самых разнообразных чувств, мыслей, представлений... Основное было всегда своё, личное, – разве и впрямь занимали меня тогда другие люди, как бы напряженно ни следил я за ними? Что ж, **думал я**, может быть, просто начать повесть о самом себе? ...».

Только функционирование лексемы конечно сопровождают

- социальные условия: Как ужасно было начало этой жизни! Уже одно то, что это был мой первый городской вечер, первый после разлуки с отцом и матерью, первый в совершенно новой и убогой обстановке, в двух тесных комнатках, в среде до нелепости чуждой и чуждой мне, с людьми, которых я, барчук, считал, **конечно**, очень низкими и которые, однако, вдруг приобрели даже некоторую власть надо мной, – уже одно это было ужасно;

- отношение к ситуации: – Университет, это, **конечно**, прекрасно, – ответил доктор. – Но ведь подготовиться к нему дело не шуточное. И к какой именно деятельности вы хотите готовиться? К литературной только или и к общественной, служебной?; Через год вышел на свободу и я, – бросил гимназию и тоже возвратился под родительский кров, чтобы встретить там дни, **несомненно**, самые удивительные из всех пережитых мной;

- ожидание чего-то неизвестного, а потому необычного: И я вдруг сказал себе: да ужели и правда, что я еду в какой-то «Голос», на какую-то службу? Там, **конечно**, тоже было нечто такое, что влекло ужасно, – какая-то редакция, какая-то типография;

- любовь к Отечеству: Гордость в словах Ростовцева звучала вообще весьма нередко. Гордость чем? Тем, **конечно**, что мы, Ростовцевы, русские, подлинны русские, что мы живём той совсем особой, простой, с виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нет и не может быть, ибо ведь, скромна-то она только с виду, а на деле обильна, как нигде, есть законное порождение исконного духа России, а Россия богаче, сильнее, праведней и славней всех стран в мире;

- знание истории города: В своё время он (город), **конечно**, не раз пережил всё, что полагается: в таком-то веке его «дотла разорил» один хан, в таком-то другой, таком-то третий, то-

гда-то «опустошил» его великий пожар, тогда-то голод, тогда-то мор и трус...

Основанием истинной оценки, маркируемой лексемами *помню, помнится*, служат воспоминания о прошлом: *Не знаю точно, когда, в какое время года, это случилось и сколько мне было тогда лет. Полагаю, что случилось осенью, судя по тому, что, **помнится**, загар мальчика в зеркале был бледный, такой, когда он сходит, выцветает, и что был я, должно быть, лет семи, а более точно знаю только то, что мальчик мне понравился своей стройностью, красиво выгоревшими на солнце волосами, живым выражением лица – и что произошло несколько испуганное удивление. В силу чего?*

Истинность оценки как результат произведенного ситуацией впечатления маркирует лексема *правда*: *А где же нашел я его? В какой-то узкой улочке, идущей под гору, в каменном и грязном дворе, густо пахнущем каменным углем и еврейскими кухнями, в тесной квартирке какого-то многосемейного портного Блюмкина... **Правда**, даже и это было страшно хорошо своей новизной, но всё же я был поражен.*

2.4. В «Жизни Арсеньева» модальный субъект, выражая свою уверенность в достоверности излагаемого, ссылается на мнение или впечатление о ситуации (≈ 17,7 % от примеров с модальной оценкой истинной достоверности), других источников. Таковыми являются:

- литературные памятники: *А сколько раз лазил я с Баскаковым на чердак, где, **по преданиям**, будто бы валялась какая-то дедовская или прадедовская сабля?; Самый город тоже гордился своей древностью и имел на то полное право: он и впрямь был одним из самых древних русских городов, лежал среди великих чернозёмных полей Подстепья на той роковой черте, за которой некогда простирались «земли дикие, неизвестные», а во времена княжеств Суздальского и Рязанского принадлежал к тем важнейшим оплотам Руси, что, **по слову летописцев**, первые вдыхали бурю, пыль и хлад из-под грозных азиатских туч ...; Вы вообще, я полагаю, служить не можете – не те у вас мечтания. Вы, **как говорится в оракулах**, слишком вдале простираетесь;*

- неизвестные представители социума, маркируемые структурно-семантическим ядром неопределенно-личных предложений *говорят*, как *говорят*: ... его (татарского князя), **говорят**, покарала чудотворная икона божьей матери, и до ныне пребывающая в самой старой из всех наших церквей ...; ... Сенька на всем скаку сорвался вместе с лошастью в Провал, на дно Провала, в те страшные заросли, где, **как говорили**, было нечто вроде илистой воронки;

- как обобщенные, так и конкретные лица – маркеры субъектов двусоставных предложений: *Я почувствовал, что отец прав – «нельзя жить плакучей ивой», что «жизнь всё-таки великолепная*

вещь», как говорил он порой во хмелю...; Ни жертвовать собой за народ, ни «служить» ему, ни играть, как говорит отец, в партии на земских собраниях я не могу и не хочу...; ... я даже с места вскочил, засыпал мужиков поспешными вопросами и сразу узнал очень многое: что барыня Бибикова мать этой девочки и что она вдова, что девочка учится в институте в Воронеже, – мужики называли институт «дворянским заведением»...; выступающие в позиции атрибута в составе вводного словосочетания: Пусть и впрямь был он «вечный студент», по выражению отца, но ведь всё-таки он был Арсеньев; Вслед за тем мне предстояло дело – зайти, по поручению отца, к некоему Ивану Андреевичу Балавину, скупицу хлеба, чтобы показать ему образчики нашего умолота, узнать цену на них и, если можно, сделать запродажу, а также конструкциями местоименно-притяжательного характера: Большая дорога возле Становой спускалась в довольно глубокий лог, по нашему, верх, и это место всегда внушало почти суеверный страх всякому запоздавшему проезжему, в какое бы время года ни проезжал он её, и не раз испытал в молодости этот чисто русский страх и я сам, проезжая под Становой; – Так что Некрасов, например, не поэт, по-вашему?

Обоснованием истинной достоверности служит ссылка на общеизвестный факт: Теперь я даже спешил туда: кочевая страсть моя была до поры, до времени несколько насыщена, мне хотелось отдыха и работы, и лето, ожидавшее меня в Батурине, представлялось мне восхитительным – так богат я был самыми лучшими надеждами, планами и доверием к судьбе. Но, как известно, нет ничего опаснее излишнего доверия к ней...; – Я отнюдь не хочу сказать, что она испорченная, я только думаю, что она, как говорится, совсем не пара вам...

Заключение

1. В романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» оценка истинной достоверности, объективности сообщаемого представлена вводными модальными конструкциями, объединенными в синонимический ряд наличием семы 'отсутствие сомнения' и конструкциями, содержащими информацию о ссылке, на основании которой дается модальным субъектом оценка (соответственно 82,3 – 17,7 %).

2. Наиболее продуктивной в функционировании и семантически богатой в реализации оттенков истинной достоверности является модификатор конечно. Единично представлены лексемы следовательно и помнится.

3. По своему семному составу «многозначными» являются модификаторы конечно: в его содержательной структуре выявлены семы 'отсутствие сомнения', 'истинность', 'безусловность', 'категоричность', и разумеется, представленный

семами 'безусловно', 'можно быть уверенным', 'как следует считать'.

4. Объективация вводных модальных конструкций сопровождается определенными условиями. Одни из них предопределяют функционирование ряда модификаторов, другие – только одного.

5. Характер выражения уверенности в объективности оценки сообщаемого, частотность функционирования соотносительных модальных маркеров и их семантика – показатель субъективного восприятия индивидуально-авторской картины объективного мира в личном восприятии – характеризует идиостиль писателя, его уверенность в достоверности оставшихся в памяти картин детства и юности.

Литература

1. Ляпон, М.В. Модальность / М.В. Ляпон // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 303.
2. Ломтев, Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т.П. Ломтев. – М., 2006. – С. 118 с.
3. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилов // ВЯ. – 1977. – № 4. – С. 37–48.
4. Касевич, В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В.Б. Касевич. – М.: Наука, 1988. – <http://www.twirpx.com/file/471848/> (обращение 25.06.2013).
5. Ярыгина, Е.С. Модус и модальность – терминологические синонимы? / Е.С. Ярыгина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – Т. 2, № 2. – С. 32–38.
6. Беляева, Е.И. Достоверность / Е.И. Беляева // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность – Л.: Наука, 1990. – С. 157–170.
7. Донскова, Е.Ю. Субъективная модальность как маркер идиостиля: когнитивно-прагматический аспект / Е.Ю. Донскова // Новая наука. – Уфа, 2016. – С. 103–106.
8. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В.В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53–87.
9. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Изд. 4-е, доп. – М.: ООИТИ Технологии, 2009.
10. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Альфа-Принт. Дом. XXI век. 2009. – 1239 с.

Казарина Валентина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец), cazarina.valentina2015@yandex.ru

Поступила в редакцию 15 мая 2018 г.

DOI: 10.14529/ling180303

THE SUB-MODUS “TRUE CONFIDENCE”: VARIETIES AND MEANS OF EXPRESSION IN I.A. BUNIN'S NOVEL “THE LIFE OF ARSENIIEV”¹

V.I. Kazarina, cazarina.valentina2015@yandex.ru

Yelets State I.A. Bunin University, Yelets, Russian Federation

The article deals with revealing the semic composition of markers of the sub-modus “true confidence” in the modal estimate authenticity and conditions of their functioning in I.A. Bunin's novel “The Life of Arseniev”. The markers of this sub-modus in the novel are parenthetical constructions *v samom dele* (meaning “really”), *verno* (“truly”), *deistvitelno* (“indeed”), *konechno* (“surely”), *nesomnenno* (“undoubtedly”), *ponyatno* (“naturally”), *pravda* (“true”), *razumeetsia* (“of course”), *sledovatelno* (“therefore”) and the lexemes *povtoryayu* (“(I) repeat”), *pomnyu, pomnitsya* (“remember”), *polagayu* (“(I) suppose”), *dumayu* (“(I) think”). The most productive in functioning and most extensive in its semic composition is the lexeme *konechno* (“certainly”), in the content structure of which the presence of the seme “categoricalness” makes up the basis of inflexibility in objectivity of modal estimate. A range of grounds for its functioning is rather wide and includes a series of those inherent only in this lexeme (love for the motherland, knowledge of the city history, social conditions, attitude to the situation, expectation of the unusual) and do not determine vital activity of the other parenthetical modal constructions. Knowledge of different nature is reflected in the manifestation of a series of modifiers. Constructions with the semantics of the information source hold a high position in the acquired information estimation.

Keywords: knowledge, true confidence, submodus, subject, conditions of objectification, Bunin, “The Life of Arseniev.”

References

1. Lyapon M.V. Modal'nost' [Modality]. *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya, 1990. P. 303.
2. Lomtev T.P. *Osnovy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Fundamentals of syntax of the modern Russian language]. Moscow, 2006. 118 p.
3. Panfilov V.Z. [The category of modality and its role in designing the structure of the sentence and the judgement]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1977, № 4, pp. 37–48 (in Russ.)
4. Kasevich V.B. *Semantika. Sintaksis. Morfologiya* [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow: Nauka, 1988. URL: <http://www.twirpx.com/file/471848/> (accessed 25.06.2013).
5. Yarygina E.S. [Modus and modality are terminological synonyms?]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University]. 2012. Vol. 2, № 2, pp. 32–38. (in Russ.)
6. Belyaeva E.I. Dostovernost' [Authenticity]. In: *Teoriya funktsional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [The Theory of Functional Grammatics. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka, 1990, pp. 157–170. (in Russ.)
7. Donskova E.Yu. Sub"ektivnaya modal'nost' kak marker idiosilya: kognitivno-pragmaticheskij aspekt [Subjective modality as a marker of idiosyle: cognitive-pragmatic aspect]. In *Novaya nauka*. Ufa, 2016, pp. 103–106.

---

¹ Bunin I.A. Arsenyev's Life. In: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2532.shtml accessed: 04.02.2015.

8. Vinogradov V.V. [About the category of modality and modal words in the Russian language]. In V.V. Vinogradov. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike* [Selected Works. Russian Grammar Research]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 53–87. (in Russ.)

9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyiy slovar russkogo yazyika*. [Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. 4-e izd., dop. Moscow, OOO ITI Tehnologii, 2009.

10. Ushakov D.N. *Bolshoy tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyika* [Big encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Alta-Print. Dom. XXI vek. 2009.

Valentina I. Kazarina, Doctor of Philology, professor of the department of the Russian language, methods of its teaching and document studies of Yelets State I.A. Bunin University (Yelets), cazarina valentina2015@yandex.ru

Received 15 May 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Казарина В.И. Субмодус «истинная уверенность»: разновидности и способ выражения в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» / В.И. Казарина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 18–25. DOI: 10.14529/ling180303

FOR CITATION

Kazarina V.I. The Sub-Modus “True Confidence”: Varieties and Means of Expression in I.A. Bunin's Novel “The Life of Arseniev”. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2018, vol. 15, no. 3, pp. 18–25. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling180303
